

Хабриева Т.Я.

Директор Института законодательства и
сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации,
заместитель Президента РАН,
представитель Российской Федерации в
Венецианской комиссии
(Европейской комиссии за демократию через право),
академик РАН,
доктор юридических наук, профессор,
действительный член Международной академии
сравнительного права,
засуженный юрист Российской Федерации,
заслуженный юрист Республики Татарстан

Новый концепт соразмерности в конституционном праве (основные тезисы)

1. Масштабы и динамика трансформации жизни общества ведут не только к изменению модели правового регулирования, но и переосмыслению устоявшихся понятий и теоретико-правовых конструкций. В связи с этим хочу поблагодарить Конституционный Суд за постановку проблемы и обращение к категории, которая не относится к числу достаточной степени разработанным в отечественном правоведении.

Сегодня именно соразмерность как базовая категория может быть положена в основу новой парадигмы развития права, в первую очередь – конституционного права.

Открытие дискуссии универсального и национального в праве своевременно, т.к., по мнению философов, произошла смена вектора цивилизационного развития. На смену доминировавшему иерархическому соотношению универсального и национального в праве пришло сочетание всечеловеческого, общечеловеческого и локального (полицентричного подхода, исходящего из принципиального равноправия различных культур и цивилизаций), признания нередуцируемости логик каждой из культур, составляющих основание для многоцивилизационного проекта.

И хотя философы (Степин, Гусейнов, Смирнов) отмечают, что этот процесс еще не завершен, уже допустимы рассуждения о новом концепте соразмерности, который следует искать в системе координат всечеловеческого цивилизационного проекта. Конституционный Суд нам на это мягко указал.

Это связано с тем, что в процессе глобального конституционного развития достигло критического значения несоответствие между утверждением об общечеловеческом характере цивилизационной модели, выработанной одной, локальной (*европейско-американской*) культурой, и множественностью векторов культурного развития, представленных историей и настоящим других локальных культур (*российской, арабо-мусульманской, индийской, китайской и т.д.*), сформировавших собственные цивилизационные проекты.

До высшей точки в своем развитии дошел конфликт моноцивилизационной и многоцивилизационной моделей мирового устройства (или общечеловеческого и всечеловеческого

цивилизационного проектов). Вследствие этого обозначился устойчивый вектор глобального конституционного развития в логике всечеловеческого цивилизационного проекта. Поэтому в системе координат соразмерности появились новые «точки роста» образцов соразмерности: идеи социокультурной, национальной и конституционной идентичности, равноправия культур, конкретные цивилизационные проекты, например, Евразийский диалог.

Конституционные реформы 21 века демонстрируют уникальный всплеск национальной самобытности. Для конституций последнего времени особенно характерна «культурно-историческая специфичность».

Многие страны демонстрируют образцы конституционной идентичности. Наши ближайшие соседи внесли поправки в конституции, меняющие шкалу или приоритетность национальных конституционных ценностей (Армения, Кыргызстан, Казахстан, Азербайджан).

То же самое мы наблюдаем и в странах дальнего зарубежья. Так, в конституции Египта 2014 г. преамбула с указанием на «дары египтян человечеству», а также с перечислением целей и ценностей египетского общества занимает несколько страниц.

Интересна мотивированная «ценностная формула» Конституции Бахрейна (2002 г.): «...необходимо, чтобы мы прислушались и посмотрели на всемирное наследие как Запада, так и Востока, адаптируя то, что мы считаем благоприятным, подходящим и совместимым с нашей религией, ценностями и традициями, и подходит к нашим обстоятельствам. Мы убеждены,

что социальные и человеческие системы не являются нестигаемыми инструментами, которые могут быть просто перенесены с места на место, а являются опытом, который апеллирует к разуму, духу и совести человека, сообразуясь с его реакциями и обстоятельствами развития его общества».

Все эти положения, которые не всегда кажутся важными в общем конституционном контексте (и иногда воспринимаются как «конституционная лирика»), тем не менее, имеют принципиальное значение. Как отмечал Валерий Дмитриевич Зорькин, *через призму конституционных ценностей строятся отношения человека и государства* (Современный мир, право и Конституция. М., 2010. С. 81).

В современной российской конституции господствующей конституционной ценностью признается человек, его права и свободы. Это воплощение универсального принципа европейской культуры, начиная с эпохи Возрождения – принципа антропоцентричности, гуманизма. В этом смысле российская конституция является идеологической преемницей европейских конституций нового времени, отвергая советский конституционный опыт вместе с его идеологическими ценностями. Одновременно в условиях нового подхода возникает непростая проблема баланса между публичными и частными ценностями, которая в современном конституционализме решается неоднозначно.

Надо сказать, что человек и его права – это единственная ценность, которая прямо указана в Конституции (ст. 2). Остальные ценности могут быть выведены путем анализа преамбулы и

толкования отдельных статей Конституции. Среди них – известная естественно-правовая триада: жизнь – свобода (личная, экономическая, труда, конкуренции и проч.) и собственность (множественность и равноправие форм). Согласно преамбуле к национальным социокультурным (ментальным) ценностям можно, вероятно, отнести гражданский мир и согласие, государственное единство, любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость, почтение к памяти предков, осознание себя частью мирового сообщества. Ряд ценностей можно вывести из ст. 7. С государственно-правовыми ценностями дело обстоит проще: это демократическое, правовое, социальное государство, светское государство и т.п.

Задача поддержания соразмерности универсальных и национальных ценностей лежит на Конституционном суде России. В практике Конституционного суда России уже получил обоснование целый ряд прямо не зафиксированных в Конституции РФ ценностей, таких как справедливость, правовая определенность, стабильность публичных правоотношений, поддержание баланса публичных и частных интересов и некоторых других. Более того, предложены различные правовые формулы соразмерности, признанная доктриной и успешно применяемые в конституционно-правовой практике.

Надо признать, что многие воспринятые как универсальные правовые образцы не столько противоречат многим качествам российской национальной культуры, сколько может принижать другие, важнейшие для национального самосознания ценности.

Хотя есть и прямые противоречия: народная мудрость гласит «не в деньгах счастье», а санкционированная конституцией свобода рынка имеет как раз противоположную цель.

Если установленные правом ценности не находят отклика в данном обществе, такое право не может получить социальное признание. Многие юристы и социологи отмечают, что с самого появления конституции сложился определенный разрыв между декларируемыми в конституции ценностями и распространенными общественными представлениями о справедливом и должном. Менталитет, а тем более - национальный характер (т.е. менталитет без мировоззренческой составляющей) является очень консервативным явлением и сложно поддается изменению даже в чрезвычайных обстоятельствах.

Мы сейчас находимся в ситуации, когда провозглашенные конституционные универсалии не работают. С одной стороны, как признано, причина в особенностях национального правосознания и недостаточности исторического периода для укоренения в нем универсальных ценностей. А с другой стороны произошедшее темпоральное совмещение со сменой вектора цивилизационного развития от моно до многоцивилизационного проекта в парадигме всечеловеческого.

Этот, очевидно, в связи с кризисом справедливости и углублением неравенства на глобальном и национальном уровнях. Отсюда призывы к поиску нового смысла справедливости. В.Д. Зорькин новый смысл справедливости видит в соединении идей солидаризма, формально-правового равенства, ответственности

каждого не только за себя, но и за других, ценности конкурентной экономической и политической среды, которая в России всегда была синонимом права.

Поддерживая призыв В.Д. Зорькина предлагаем объединить в этом поиске усилия не только юристов, но и философов, других обществоведов и начать широкую дискуссию о генетически присущих российскому народу ценностях, составляющих основу его идентичности, чтобы в обозримом будущем провести их четкую конституционализацию (что в свою очередь, возможно, откроет дорогу для наших правовых образцов на универсальный уровень).

Одни ценности, составляющие основу национального кода России, указаны в трудах русских философов и историков (Николай Бердяев, Иван Ильин, Николай Данилевский, Николай Лосский и другие). Они выделяли:

- духовность (оценку любых явлений через призму духовного восприятия);
- коллективизм;
- патриотизм;
- острое неприятие социальной несправедливости;
- социально-духовные стимулы к труду;
- подвижничество;
- взаимопомощь;
- гостеприимство;
- терпение;
- неприятие грубой материальности.

Особым считается отношение к государству как к интегрирующему обществу началу, соединяющему свои задачи с ценностями православия, понимание его централизующей роли. Такое отношение сочеталось с надеждами на социальную (и прочую) защиту со стороны государства.

Отличительной чертой правосознания всегда оставалось преобладание морального сознания над правовым и политическим, высший критерий справедливости для общего мировосприятия при абсолютно приниженной роли критериев рациональности и эффективности.

А часть из них получила современное звучание и институционализацию в официальных стратегических документах. Например, в Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. В ней раскрывается понятие «российская нация», имеющее ценностное значение для будущего всей России (*многонациональный народ Российской Федерации (российская нация) - сообщество свободных равноправных граждан Российской Федерации различной этнической, религиозной, социальной и иной принадлежности, обладающих гражданским самосознанием*).

Исходя из менталитета россиян, именно на государство ложится традиционная обязанность сформулировать эти ценности, способствовать развитию тех из них, которые наделены позитивной силой и блокировать развитие негативных проявлений. Для этого необходима единая идеология, которая способствовала бы объединению общества. Она должна быть обозначена в

Конституции. Соответствующая статья конституции уже подвергалась справедливой критике Венецианской комиссии: с одной стороны, в ней не запрещена никакая идеология, даже противоречащая принципам человечности (такие запреты встречаются в либеральных конституциях повсеместно); с другой стороны, провозглашенные в конституции принципы глубоко идеологичны.

Но пока у нас нет стратегии развития России, которая отвечала бы ожиданиям российского общества и была бы им востребована (по мнению В.Д. Зорькина, такой концепции пока не создано).

В самом обществе, среди государствоведов, во властных структурах пока не наблюдается консенсуса в этом вопросе, а это значит, что конституционная реформа пока не имеет надлежащих предпосылок и ресурсного обеспечения. Лаконичный текст Конституции 1993 г. являлся адекватным условиям ее принятия, когда вырисовывалась только общая схема базовых изменений в российском обществе. За 25 лет Конституция доказала свою жизнеспособность и способность быть «живой» конституцией, в том числе благодаря самоотверженной деятельности Конституционного суда РФ. Но если в будущем российская конституция будет изменяться, то особое внимание, на мой взгляд, следовало бы уделить отнюдь не техническим вопросам уточнения формулировок, связанных с системой власти. Здесь не может быть ничего принципиально нового. Необходимо сосредоточиться на мировоззренческой проблематике, отражающей российскую

культурную идентичность. Внятного ответа на вопрос «куда мы идем» и какое общество строим – у нас сейчас нет. А это стержень любой национальной идеи. Пока ценностные маркеры не будут расставлены, нет смысла начинать конституционную реформу.

А пока, Конституционный Суд и доктрина продолжит со всем искусством искать правовые формулы соразмерности универсального и национального в праве.

И в завершении хочу обратить внимание, что на разворот вектора конституционного развития и смену ориентиров чутко реагирует зарубежная доктрина. По замечанию некоторых наших иностранных коллег (*Мануэль Кастельс – испанский социолог // Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ-ВШЭ, 2001*), «мир выстраивается в логике пространства потоков, а люди продолжают жить в пространствах мест». Следовательно, развитие национального права надо приводить в соответствие с логикой развития мира – отнюдь не в сторону национальной идентичности.

Использование доктрины в качестве инструмента культивирования таких идей в целях преодоления государственного суверенитета и дискредитации иных цивилизационных проектов», значит они могут составить альтернативу доминирующей модели миропорядка.

А пока продолжается идейная борьба любое заимствование зарубежного правового опыта, всякое признание наднациональных решений должно проходить через фильтр их соразмерности конституционной идентичности России. Только те универсальные

ценности и иностранные нормы могут получить право на существование в российской правовой системе, которые успешно пройдут этот конституционный отбор и будут признаны не противоречащим российской конституции, ее базовым ценностям в их национальном понимании. Представляется, что важнейшую роль в процессе такого фильтрования универсальных и иностранных норм, решений и принципов должен играть Конституционный Суд при поддержке отечественной доктрины. Соответствующая деятельность Конституционного Суда может способствовать сохранению конституционной идентичности, выявлению и реализации принципа конституционной соразмерности в каждом конкретном случае.

Представляется, что все решения международных судов и положения всех подписанных РФ международных конвенций должны проходить в Конституционном Суде тест на соразмерность. В общем виде, такой тест предполагает ответы на вопросы принципиального характера. Необходимо определить, насколько предлагаемые инновации действительно имеют универсальный характер, в какой мере они соответствуют национальным правовым традициям и традиционным российским ценностям, а также духу и содержанию российской Конституции.

Акцент на соразмерности может придать деятельности Конституционного Суда новый характер. Осуществляя с помощью принципа соразмерности проверку норм и решений, выдаваемых за ценности универсального характера, и используя в качестве критерия соразмерности конституционную идентичность,

Конституционный Суд будет выступать гарантом сохранения традиционных российских ценностей, целостного характера отечественной правовой системы и государственного суверенитета.